

Сандомирский Герман Борисович

**Теория и практика европейского
фашизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г38

Г38 **Герман Борисович С.**
Теория и практика европейского фашизма / Сандомирский Герман Борисович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 242 с.

ISBN 978-5-519-84667-7

ISBN 978-5-519-84667-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Шестой конгресс Коммунистического Интернационала посвятил немало времени трактовке вопросов, связанных с европейским фашизмом. Этого одного достаточно, чтобы признать важность и актуальность нашей темы.

Кроме того, VI конгресс, изучив на ряде докладов корни международного фашизма, установил, что для возникновения его в той или иной стране необходимо наличие определенных факторов, и указал их. В решениях конгресса вполне правильно отмечается, что потенциальный фашизм в ряде стран не должен быть приравниваем к классическому фашизму, существующему в Италии. Потенциальный фашизм превращается в классический при наличии определенных условий.

Книга, задуманная и начатая нами задолго до VI конгресса, написана в таком же разрезе. Итальянскому фашизму уделено более значительное место, чем фашизму в других странах, но при этом мы старались значительно сокращать историческую часть, которая уже известна широкому читателю из других книг (в частности, из наших). Мы оттенили, однако, те вопросы, которые освещались до сих пор не совсем правильно некоторыми авторами, не вступая, однако, с ними в полемику, что отняло бы много места. Первые главы посвящены характеристике международного фашизма вообще, а также установлению взаимоотношения между «классической» формой итальянского фашизма и фашизмом в других странах. Недостаток места заставил нас обойти молчанием фашизм в тех странах, где он не имеет актуального значения (Скандинавия), или в тех, в которых он является точной копией с фашистского движения близлежащих стран (Австрия).

Г. С.

I. ЧТО ТАКОЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАШИЗМ?

«Fascism is a purely Italian phenomenon in its historical expression, but its doctrinal postulates have a universal character¹.

Муссолини.

(Из его предисловия к книге Дж. Барнеса «The Universal Aspects of Fascism».)

Наш книжный рынок в достаточной мере насыщен литературой об итальянском фашизме. Мы не будем здесь касаться вопроса о качестве этой литературы, пока этого не потребует общий ход изложения истории фашистского движения. Можно, однако, констатировать, что даже массовый, мало подготовленный читатель, не владеющий иностранными языками, имеет все же возможность ознакомиться как с характеристикой итальянского фашизма, так и с историей его возникновения и развития. Если социально-политическая характеристика фашизма, даваемая этой литературой, не всегда может быть признана удовлетворительной, все же массовый советский читатель может получить кое-какие руководящие указания для усвоения этого любопытнейшего явления нашей современности. Не надо забывать и того, что итальянский фашизм, как организованная партия, существует уже десять лет. С октября 1922 года итальянские фашисты держат в руках государственную власть, и их деятельность в области как внутренней, так и внешней политики получает свое освещение не только на газетных столбцах, но и в отчетах делегаций на различных рабочих и партийных съездах. Этот газетный материал и эти доклады, конечно, служат великолепным подсобным материалом для изучения итальянского фашизма.

Вот почему необходимо отметить известное ослабление интереса широких читательских масс к *итальянскому* фашизму. Правда, шумиха, поднятая за последнее время вождями итальянских чернорубашечников, в связи с проводимой ими пресловутой «корпоративной» реформой, и их горделивое заявление о том, что эта реформа должна рассматриваться, как величайшая в мире бескров-

¹ «Фашизм — в историческом разрезе — чисто итальянское движение, но его программные требования имеют всеобщий характер». *Муссолини.*

ная «социальная революция», несущая освобождение не только итальянскому, но и мировому пролетариату, вновь пробудили некоторое любопытство к ним. Но все же, повторяем, основное представление об итальянском фашизме у массового советского читателя уже имеется. Это дает основание надеяться, что он отнесется с достаточной осторожностью к последнему фашистскому блёфу, ибо, в общем, знает цену всем хвастливым заявлениям фашистских синиц, вот уже десятый год собирающихся зажечь море.

Другие, смежные вопросы начинают привлекать внимание этого читателя. За последние годы все чаще и чаще в газетах появляются сведения о росте фашистского движения в других европейских (и внеевропейских) странах. Сведения эти носят пестрый и противоречивый характер. Слово «фашист», как кличка самого ненавистного классового врага, до того плотно вошла в наш советский обиход, что подчас оно употребляется не совсем правильно и вносит известный сумбур в общее представление о фашистах и фашизме. Самое понятие о «росте фашизма» не совсем соответствует действительному положению вещей в той или иной стране. Тем сложнее становится вопрос для читателя, пытающегося объективно разобраться в общем положении на Западе: «Существует ли международный или, по крайней мере, европейский фашизм? Каковы формы этого движения в различных странах? Каковы его цели? Каковы шансы на успех в ближайшее время?»

И так как все согласны с тем, что Италия является колыбелью современного фашизма, то рядом с первым возникает и другой вопрос:

«Каково влияние итальянского фашизма на развитие фашизма в других странах? Можно ли рассматривать итальянский фашизм, как авангард мирового фашизма?»

И далее:

«Каковы шансы международного коммунистического движения в борьбе с мировым фашизмом?»

Раньше чем приступить к посильному ответу на все эти вопросы, необходимо сделать существенную оговорку. Дело не представляло бы большой трудности, если бы его можно было свести к социально-политическому освещению движения, мало знакомого в нашей стране. Беда в том, что с самого начала необходимо приступить к политическому освещению вопроса,—что же, в основе своей, с социально-политической стороны представляет хотя бы итальянский фашизм? Дело в том, что с освещением этого вопроса в европейской литературе получилось довольно-таки парадоксальное положение. Как известно, теоретическая литература итальянских фашистов чрезвычайно бедна. Почти ни один из основоположников этого движения не претендовал на наличие законченной теории фашизма. *Как это ни странно,*

за них эту пресловутую «теорию» создали другие, главным образом, их недалёковидные и слишком снисходительные критики.

Случилось это следующим образом:

Послевоенная Европа жила в атмосфере тяжелого удушья. В то время, как в далекой России шла упорная героическая борьба, сопряженная с чрезвычайными трудностями, за установление нового порядка вещей, Шпенглер выступил со своим грозным пророчеством «заката Европы». Побежденные страны, составлявшие добрую половину этой Европы, казалось, были обречены на физическое истребление. Немногим лучше дело обстояло и у «победителей». Массы оказались обманутыми и разоренными по обе стороны кровавого Рубикона, разделившего человечество. Воспоминания о щедрых посулах, дававшихся этим массам руководителями мировой бойни, вызывали лишь горькую иронию и озлобление. Атмосфера была насыщена недовольством. Самые разнообразные социальные и политические группировки тщетно искали выхода накопившемуся недовольству. Русский опыт пугал их своей величественностью и неслыханными затруднениями, возникшими на его пути.

В это время из Рима раздалось «вещное слово» Муссолини, бывшего социалиста, бесстыднейшего из ренегатов рабочего движения (вдвойне бесстыдного, ибо он цинично, перед лицом всего мира, политическое ренегатство возвел в принцип и даже попытался сделать его исходным пунктом для новой «социальной религии» человечества). Казалось, нашелся тот «сверхчеловек», появление которого предсказал еще Фридрих Ницше,—призванный открыть все нужные клапаны для накопившегося недовольства и обновить мир. Кто имел сомнительное удовольствие познакомиться с писаниями первых фашистов, тот знает, как много разглагольствовали они о «модернизме» как философской основе их деятельности: мир устал от обветшавшей, никуда негодной философии. Нужно новое мирозерцание, которое позволило бы сдать в архив, без разбора, все прежние ценности и применить новые методы для создания нового государства и нового человека. Это новое мировоззрение принес с собою из окопов человек, побывавший на войне. Нужно дать ему дорогу! Мир утомлен старыми, рационалистическими теориями, его возмущает грубый утилитаризм, проникающий до основания все социалистические учения. Дайте новому человеку расправить свои крылья, он сметет в мусорный ящик изолгавшийся до конца утилитаризм первых двух десятилетий XX века! На развалинах старого мира он воздвигнет новое учение, проникнутое возвышенным романтизмом. Человечество, избавившись от кошмаров прошлого, вздохнет, наконец, полной грудью!

Эти и другие громкие слова, позволявшие «фашизму первого призыва» облечься в пышные романтические одежды, само собой разумеется, целительным бальзамом пролились на сердца миллионов, разочарованных в исходе мировой войны. Выбитые из колеи,

не приспособленные к условиям послевоенной эпохи, напуганные трудностями «русского опыта» и вместе с тем жаждавшие чего-то нового, они поспешили провозгласить Муссолини «героем нашего времени». В сущности говоря, таковы были и в Италии те социальные слои, из которых чернорубашечники на вербовали свои первые отряды. Если—по целому ряду условий—фашистское движение итальянского или другого образца в других европейских странах зародилось несколько позже, то все же эти люди, жаждавшие «модернизма» в философии и жизни, с замиранием сердца следили за успехами Муссолини. Многие из них приписывали фашизму такие добродетели, которые ему не снились. Каждое слово Муссолини они ловили налету, каждое его выступление пытались облечь плотью и кровью и превратить в теоретические перлы. Но все это было бы еще полбеды, если бы несуществующую «фашистскую теорию» за Муссолини создавали его единомышленники в других странах.

К сожалению, как мы уже это отмечали выше, этим занимались (и довольно успешно) многие из первых критиков фашизма. Эти критики не могли себе представить того, о чем совершенно открыто заявил один из основоположников итальянского фашизма Дино Гранди на третьем фашистском конгрессе,—т. е. спустя два с половиной года официального существования фашистской партии,—а именно, что с теоретической стороны итальянский фашизм представляет собою *пустопорожнее место*. В упомянутой речи Дино Гранди сказал:

«Если понимать под словом «партия» политическую силу, которая действует в стране путем соревнования на выборах и в парламенте через посредство известного числа своих политических представителей, то мы—уже партия, и таковой мы являемся со времени последних выборов. Но если понимать под словом «партия» такое движение, *которое имеет свою собственную идеологию, свою собственную физиономию, свою собственную дифференциацию*, то мы еще—не партия».

Дино Гранди не одинок в этом заявлении. Еще в этой книге нам придется привести ряд заявлений других фашистских лидеров, громогласно отрешивающихся от наличия какой-либо законченной фашистской идеологии. Смешно, однако, что *с этим не согласны их критики из буржуазно-реформистского лагеря*. Все они уверены, напротив, в том, что фашизм «сказал новое слово», что фашистская теория, как нечто законченное, существует, и что она заслуживает основательного теоретического же опровержения.

Нам приходилось уже в первой своей книге ¹, посвященной итальянскому фашизму, касаться этого курьезного, и, вместе с тем, грустного парадокса. Мы не станем здесь приводить той теоретической надстройки над итальянским фашизмом, которую воз-

¹ «Фашизм», ч. I, Москва, Гиз, 1923 г.

вел в свое время один из виднейших теоретиков итальянского социализма—Энрико Ферри. Его дальнейшее поведение, выразившееся в деятельном сотрудничестве с правительством Муссолини в области тюремных реформ (Ферри—выдающийся криминалист), освобождает нас от необходимости интересоваться его теоретическими выкладками относительно итальянского фашизма. Энрико Ферри—это дружественный критик фашизма. Любопытнее, что по его стопам шло и много критиков-врагов. Отметим здесь лишь слова умеренного реформиста де-Фалько, составляющего в этом отношении счастливое исключение и в свое время выступившего с отповедью критикам типа Ферри, Миссироли (либерал) и др.

В предисловии к своему очерку «Фашизм—милиция класса» Джузеппе де-Фалько говорит:

«За исключением насилий, совершенных в угоду капитала, я никогда ничего другого в фашизме не видел. Я пытался в этом шумном и более опирающемся на мускулы и оружие, чем на мозги, движении найти какой-либо путь к отысканию—хотя бы в зачаточной форме—новой идеи и даже если не новой, то такой, которая заслужила бы себе право гражданства среди аналогичных идей, борющихся между собой на социально-политической арене. Я пытался в утверждениях фашистов услышать хоть лепет ребенка, который хочет что-то высказать, на что-то пожаловаться, передать вам ощущения своей горести или какого-либо другого своего переживания, но не находит достаточно слов, чтобы излить то, что накопело у него внутри. Я расспрашивал, много читал; стремился приобрести необходимую для этого эрудицию, но в ответ мне всегда раздавалось... либо эхо револьверного выстрела, шипение пламени, либо рев нападающего насильника. Тогда я убедился в том, что анализ идей фашизма невозможен по той простой причине, что нельзя подвергнуть рассмотрению *несуществующее*... Фашизм усвоил себе довольно удобную тактику в борьбе со своими критиками. Он постоянно жалуется на то, что его не понимают, что не умеют постичь всей глубины его сокровенных мыслей... И все-таки, действуя так, фашизм добился некоторых результатов. Например, такие исследователи фашизма, как мой дорогой коллега и друг Марио Миссироли, умудрились разглядеть в фашизме то, чего в нем нет, и приписали ему такие идеи, которых он никогда не имел. Это обстоятельство, в конце концов, угрожает тем, что они способны снабдить фашизм такой прозрачной и теоретической базой, которую он сам не был в состоянии создать. Если бы еще и другие исследователи фашизма, обладающие таким же талантом, как и Миссироли, стали трудиться над логическим обоснованием фашизма, то нам скоро пришлось бы наблюдать следующую любопытную картину, которая нам кажется поистине парадоксальной: движение, финансируемое—с материальной стороны—капиталистами, получило бы свою моральную и интеллектуальную поддержку от своих критиков и даже противников».

Когда де-Фалько писал эти строки, он вряд ли предвидел, что его предсказание осуществится в столь скором времени. Между тем, так и случилось: добрые критики снабдили фашизм той теорией и даже тем философским обоснованием этой теории, которых он сам создать не мог. И если вам приходится беседовать с подобными критиками, вы в ответ от них услышите все то же: *«Не может быть, чтобы фашизм с теоретической стороны представлял собою пустопорожнее место. Если бы оказалось верным мнение, что фашизм в области теории пред-*

ставляет собою лишь перепевы старой капиталистической идеологии, то каким образом могло случиться, что за ним пошло так много сторонников?»

В том-то и дело, что «близорукость» этих критиков не позволяет им усмотреть, что фашизм, *как теория*, никогда не находил и даже не вербовал своих сторонников. К фашизму люди приходят не в поисках новых теоретических построений. Если для молодых, наивных и сбитых с толку нужны были словесные и помпезные вступления, то заматерелые ренегаты рабочего движения и верные приказчики капиталистического строя, вождем и «идеологом» которых является Муссолини, отлично знали и знают,—зачем они идут к фашизму?

Недавно нам пришлось в статье одного итальянского товарища вычитать любопытное место, относящееся к вышеназванным «критикам» фашизма. Нам кажется, что этот товарищ вполне прав, беря под сомнение их природную «близорукость». В конце концов, реформисты, из рядов которых по преимуществу выходят эти критики, расходятся с фашизмом только в ряде чисто формальных положений (отношение к демократии, парламентаризму и т. д.). Этим критикам пришлось немало вынести в свое время от фашистов. Отсюда—все ругательные клички, которыми они их награждают, сравнения с бандитами и т. д. (кстати сказать—вполне заслуженные последними!). Но расхождения в формальных вопросах не меняют того основного положения, что реформизм (не в одной только Италии), как и фашизм, встал на защиту капиталистического правопорядка и уже давно показал, что если ему приходится делать выбор между фашизмом и коммунизмом, он охотно предпочитает первый. В сущности еще Ленин отметил, что реформизм стал одним из сильнейших участков капиталистического фронта. Иначе говоря, *реформизм уже давно превратился в такой же отряд международной контрреволюции, каким является фашизм*. Хотят этого или не хотят снисходительные и близорукие критики фашизма из лагеря реформистов, это обстоятельство роднит их с фашизмом, с его классовой сущностью. Отсюда и эта поверхностность их критики, и «близорукость»!

Предположения этого итальянского товарища блестяще оправдываются в наши дни, в связи с новым, хваленым законодательством Муссолини о корпоративном государстве. Ниже нам придется подробнее рассмотреть цикл последних фашистских нововведений в области социального законодательства, и мы увидим, что международный реформизм (не только в лице Альбера Тома) чрезвычайно одобрительно отнесся к ним. В корпоративном законодательстве Муссолини они учуяли полную солидарность с той пропагандой «социального мира», которая является сейчас главным занятием европейских реформистов.

Кто знает, какими извилистыми путями человеческой психики было подсказано первым реформистским критикам фашизма это снисходительное (невзирая на обилие бранных кличек) отношение

к фашизму, которое теперь так гармонирует с их восторгами по поводу корпоративных реформ Муссолини? В этих восторгах они оставили далеко позади даже многих серьезных и вдумчивых критиков этих реформ из буржуазного лагеря.

С сожалением приходится констатировать, что влияние снисходительной реформистской критики фашизма нашло себе известное отражение и у нас. Мы уже не говорим о малоподготовленных товарищах, не имевших возможности проработать, как следует, вопрос о фашизме, но на каждом шагу можно натолкнуться со стороны многих, казалось бы, *сознательных* товарищей на такие недоуменные вопросы:

«Неужели фашизм, в самом деле, с теоретической стороны представляет собою пустопорожнее место? Неужели он так-таки и не сказал ничего нового?»

Некоторые заходят и дальше:

«Конечно, мы не можем не критиковать фашизма во всех его проявлениях. Мы понимаем, что это необходимо делать с агитационно-пропагандистской точки зрения, но все же не может быть, чтобы фашизм в Италии ничего не давал рабочим. Возьмем, например, последнее законодательство о профсоюзах. Если бы рабочие на самом деле ничего не получили от Муссолини, он не продержался бы и одного дня».

Нужно ли говорить о том, насколько непозволителен такой взгляд на фашизм для людей, обладающих хоть сколько-нибудь пригодным скальпелем для социально-политического анализа таких явлений, как фашизм? Нужно ли даже останавливаться на таком непозволительно-наивном предположении, что Муссолини не продержался бы и одного дня без того, чтобы не бросать рабочему классу Италии определенных подачек? История международного рабочего движения знает бесконечно число примеров, когда положение рабочего класса значительно отставало от степени его идеологической подготовки и умения разбираться в собственном положении. Разве поражение первой русской революции в 1905 году не иллюстрирует полностью такого же положения? Прочность положения Муссолини в настоящий момент, конечно, определяется не степенью сознательности авангарда итальянских рабочих, а тем комплексом социально-политических причин, которые *подготовили* победу фашистов над революционным рабочим движением в 1922 году. Все это становится ясным тем же товарищам, как только они переходят к анализу положения в какой-либо другой стране. Но в отношении *итальянского* фашизма продолжает существовать какая-то метафизическая, абсолютно неоснованная на анализе конкретного положения, вера в то, что фашизм все же сказал какое-то новое слово. Сумбур в головах названных товарищей и является результатом всех тех вредных идеологических наслоений вокруг итальянского фашизма, в которых одинаково повинны первые критики фашизма из стана его друзей или врагов—безразлично.

Хвастливая фразеология самих фашистов, романтические надежды, возлагавшиеся на Муссолини разочарованными Печоринскими Западом, и поверхностная критика реформистов, часто принимавшая оттенок персональной полемики с Муссолини и другими ренегатами,—все это образовало такие нагромождения вокруг основного ядра фашистской программы, что из-за деревьев не стало видно леса. Эти товарищи только тогда поймут сущность своих заблуждений, когда путем более или менее кропотливого изучения фашизма *не в одной Италии* придут к убеждению, что фашизм представляет собою воинствующий отряд мировой контрреволюции. Мы предупреждаем, что всех тех, кто рассчитывает услышать другое определение фашизма, ждет полное разочарование. Им лучше вовсе не браться за эту книгу... Но если мы относим фашизм к лагерю воинствующей контрреволюции, то, конечно, не намерены делать этого из-за одних агитационно-пропагандистских целей. Мы постараемся вывести это определение из точного анализа социально-политического положения тех стран, в которых деятельность фашистов представляет собою более или менее значительный фактор, в частности из трезвого анализа этой деятельности.

Таким образом, *на первый из поставленных в этой главе вопросов—существует ли международный фашизм?—мы отвечаем утвердительно*: поскольку в нашем сознании имеется представление о международной контрреволюции, как о социально-политическом движении в разных странах, окрашенном в разные оттенки, но преследующем одни и те же цели, мы утверждаем, что мировой фашизм представляет собою *воинствующий отряд международной контрреволюции*. Ответ на остальные вопросы с логической неизбежностью вытекает из этого. Фашистские движения отдельных стран связаны между собой постольку же, поскольку могут быть вообще связаны между собой отряды мировой контрреволюции в отдельных странах. Мы можем лишь добавить, что, поскольку фашизм является головным отрядом международной контрреволюции, изучение его, а также разработка теоретических и тактических методов борьбы с ним должны привлекать к себе обостренное внимание всех передовых слоев международного пролетариата. Естественно, что этим вопросом усиленно занимались на своих последних конгрессах Коминтерн и Профинтерн. Независимо от этого, трудящиеся Советского Союза, который является *полным антиподом* фашистской Италии, несмотря на все клеветнические попытки наших врагов доказать противоположное,—должны поставить своей задачей внимательное изучение фашизма в разных европейских странах и его методов ослепления трудящихся.